

Галия Самигулловна Горина родилась и выросла в Башкирии. Но вся ее трудовая деятельность связана с Мордовией, где она долгие годы работала в сфере культуры. Более десяти лет возглавляла Мордовскую картинную галерею. Она написала трогательные воспоминания о своей матери, о ее судьбе. Публикуем отрывок. Мама - это слово у разных народов мира произносится по-разному. Но смысл у него один. Эни, энкэй – это мое родное, светлое – мама, дающая жизнь. В моей родной деревне Карлы в Башкирии жил мудрый аксакал, убеленный сединой. Собирая детишек вокруг себя, он рассказывал нам о многом. О маме говорил так: «Не руки матери протягивают своему младенцу последнее, это Господь повелел ей растить и беречь свое будущее. Мать выпускает своего птенца из гнезда в жизнь, чтобы он сделал мир добрее, счастливее». Моя мама Юзлибаева Камила Шакировна родилась в 1893 году в небольшом башкирском селе Базиково. Это была истинно мусульманская женщина: немногословная, великая труженица, терпеливо сносившая все тяготы жизни, неутомимая хозяйка дома, заботливая жена и мать, беззаветно преданная своему мужу и семье.

Родилась она в большой и дружной семье, где было еще четыре дочери и сын. Мама вспоминала: «Папа работал возчиком дров. На селе его уважали. Дома это был добрый и ласковый отец. Вечерами, после работы он любил посидеть с нами и рассказывал разные поучительные истории. Никогда не ругался и не кричал. А мама наша была строгая женщина, всегда выговаривала ему: «Ну как же так? Нельзя же только улыбаться. Нужно и поругать». В ответ, махнув на нее рукой, отец всегда говорил: «Да ты скажешь тоже, Шамсия, за что ругать-то? Посмотри, какие дочери у нас красавицы, цветочки, чистые, как вода в горном источнике».

В больших семьях девочки рано становились помощницами матери: нянчили малышей, ухаживали за скотиной, работали в огороде и в доме. Мама, приученная к труду с детства, и в старости не могла сидеть без дела. Даже смотря телевизор, всегда что-нибудь вязала. Готовила вкусно. Я и сейчас, много лет спустя, помню запах и вкус маминого пирога с мясом, ароматные супы из свежей баранины и гороховую кашу с ребрышками из печи.

Восемнадцати лет в 1911 году маму выдали замуж за Юзлибаева Самигуллу Файзуловича. Он очень рано остался без отца. Тринадцатилетнего сына женили на девушке много старше его. Первая жена папы рано ушла из жизни, оставив ему четверых детей: трех дочерей и сына. В тридцать один год, решив жениться во второй раз, уже по большой любви, он долго добивался руки мамы. С первых дней замужества

мама встретила с трудностью: в семью её не сразу приняла старшая падчерица, почти мамина ровесница.

Хозяйство у отца было большое, добротное: дом, пахотная земля, полный двор скотины, лошади. Он много работал, строил дома и за свою жизнь построил двенадцать домов, этим зарабатывал деньги. В те годы отец возглавлял артель по строительству домов в нашей деревне Карлы.

Во время коллективизации нас раскулачили и все, что отец своим трудом наживал, отняли. Позже его реабилитировали, но поднять новое хозяйство, как раньше, он уже не смог и из-за этого очень переживал до конца жизни. В те времена в деревнях часто случались пожары. Наша семья пережила три пожара. Дома строились на сваях и при возгорании строения сгорали дотла. После каждого пожара отец строил новый дом. Война уже шла по стране. Отцу было уже за шестьдесят лет, и его не призвали в армию по возрасту. Жили тяжело. Когда не хватало денег на еду, мама продавала что-нибудь из вещей. На рынке в районном центре она продала свое любимое платье с перламутровыми пуговицами, которые я любила даже больше, чем само платье, а на полученные деньги купила картошку. Мешок с картошкой подняли ей на плечи, и мама несла его домой десять километров. Вкуснее той картошки я в жизни ничего не ела: большая, белая, рассыпчатая и очень ароматная.

Мама работала дояркой в колхозе. Вставала рано утром. Ферма была в трех километрах от села, отделялась ложбиной и оврагом. Там во время войны водились дикие собаки и волки. Мы не чувствовали, что мама каждый день борется со страхом. А я боялась за нее и просилась с ней на ферму. Мне было девять лет, и я искренне верила, что смогу испугать диких зверей и защитить маму.

В апреле 1942 года мы получили повестку на имя Асхата, моего брата, о призыве в армию. Потом пришло известие, что Асхат пропал без вести. Мама только спросила: «Почему без вести?». Она перестала спать, плакала, не могла сидеть на месте, все время двигалась, как маятник «туда-сюда». Я не оставляла маму одну, понимала, как она переживает. Вскоре, друзья прислали письмо, в котором сообщали, что Асхат был ранен и возможно переведен в госпиталь, но они, вернувшись в часть, его не застали. Мама стала ждать возвращения сына и ждала всю жизнь, так и не узнав, что он погиб летом 1943 года.

В 1946 году погибла моя старшая сестра Амина. Сестре было двадцать лет, она работала на лесозаготовке по призыву, и во время погрузки ее придавило незакрепленным стволом дерева. Похоронили Амину, а в 1952 году и отца. В семидесятых годах в течение одного месяца трагически погибли любимые внуки мамы Риф и Раись.

За долгую жизнь мама пережила много потерь, но пройдя тяжелые испытания, она не замкнулась в своей боли, наоборот продолжала дарить любовь близким, родным. Я очень любила маму. Сейчас жалею, что мало времени уделяла нашим встречам. Рядом с нашей мамой всегда было легко и весело. Никто не мог подумать, что эта хрупкая женщина с великим терпением прожила тяжелую жизнь, которую отдавала нам, своим детям и внукам. Мы все любили ее и по возможности берегли.

Когда я приезжала к матери, у нас был особый ритуал: маму мыли, одевали в новое платье, сажали на диван в зале. Особенно трогал всех ее рассказ о том, что лошади тоже плачут. Это случилось во время гражданской войны. Шли ожесточенные бои за село, где жили тогда родители. Гул артиллерии, стрельба, то белые появятся на улице,

то красные ворвутся на своих пулеметных тачанках. «Мы, - рассказывала мама, - прятались в дома, боялись выходить. Однажды из соседнего села нам принесли записку, что моя мама умирает от холеры. Решили ехать. Обмазались дегтем, чтобы не заразиться. Самигулла запряг в повозку коня и поехали. Был у отца любимый конь. Статный, резвый, красивый. Летал, как птица, фаворит в бегах, все завидовали. Выехали из деревни, а навстречу белогвардейцы. Коня нашего выпрягли и увели, нам оставили свою кобылку. Маму мы проводили, едем обратно. В поле встречаем тот же отряд. Вдруг наш конь на всем скаку направляется к нам. Подскакал к отцу, остановился рядом и вдруг голову положил ему на плечо. Все оторопели, замерли от неожиданности. Отец посмотрел на коня, а у того из глаз слезы текут. «Если бы кто рассказал мне об этом, не поверил бы никогда», - говорил отец. Офицер ударил плетью, пришпорил коня и поскакал обратно к своим. Не доскавав до колонны, конь на всем ходу разворачивается – и к нам. Опять поскакал, голову отцу на плечо положил, с минуту постоял, отпрянул, повернулся и галопом пошёл от нас».

В родной деревне, где росла мама, до революции не было школы. Грамоты она не знала, но всегда очень хотела, чтобы ее дети были образованные. Желание мамы сбылось: Карам окончил педагогическое училище в Стерлитамаке, Асхат – училище, где готовили нефтяников, Амина семилетку, я – культ-просветучилище в Стерлитамаке и институт в Москве. В начальной школе я учила маму писать имя и фамилию для росписи. Однажды в школьной библиотеке я взяла роман Э.Войнич «Овод». На следующий день книгу нужно было вернуть. Читать пришлось ночью. Мама принесла мне две семифитильные керосиновые лампы, «чтобы глаза не испортила», и отгородила мою кровать занавеской, чтобы «не мешали». Рано утром, когда она встала топить печь, я, услышав шаги, испугалась, думала, что поругают. Но мама, заглянув ко мне, ласково спросила: «Дочитала, балам?».

В 1948 году шестнадцатилетней девчонкой я уехала из дома в Стерлитамак учиться в культпросветучилище, потом поступила в Московский библиотечный институт на факультет «Культпросвет-работа». Мама всегда ждала меня и думала, что вот закончится учеба, и я вернусь к ней домой. Но в институте я встретила свою любовь – русского парня, прошедшего войну, Петра Горина и хотела выйти за него замуж. Мама была против этого. Но потом полюбила Петра за скромность, деловитость, как родного сына.

Я никогда в жизни не видела, чтобы теща и зять так заботливо относились друг к другу. Когда с мужем случилось несчастье, мама сказала: «Дочка, Петра нужно поставить на ноги!». Ее слова вселили уверенность в выздоровление мужа и придали мне силы в преодолении трудностей. Они с мамой понимали друг друга и без слов. Оба любили чаепитие. Это было для них ритуалом: сначала выпивали по два стакана; потом, заваривали ещё и опять пили.

15 июня 1981 года мама умерла. Брат организовал достойные похороны энкэй. День стоял жаркий, на небе не было ни одной тучки. И вдруг пошёл легкий теплый дождь. Это был добрый знак, значит, похоронили хорошего человека.

Галия Горина